

Она являясь стала что-то рѣже.
 Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
 Какая жалость!.. Знаете ли вы,
 На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
 Которая несетъ погибель свѣту?..

СXXXVIII.

И по дѣломъ, вѣдь новый магазинъ
 Открылся на Кузнецкомъ,—не угодно ль
 Вамъ посмотреть? Тамъ есть мамзель Abine,
 Monsieur Dupré, Durand, французъ природ-
 Теперь купецъ, а бывший дворянинъ; [ный,
 Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть суб-
 Fauchaux—платовка, смуглая кокетка! [ретка
 Вся молодежь вокругъ нея вертится.
 Эй-Богу, все равно мнѣ, что случится!
 И по одной значительной причинѣ
 Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

СXXXIX.

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
 Онъ пустъ, какъ голова француза,—малость
 Истратилъ я, но это мнѣ урокъ—
 Цѣнить дешевле вѣтрёную шалость!»
 И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
 Шалуны склонился къ тебѣ, два—три раза
 Вздохнулъ, чтобъ удалась его проказа.
 Тихонько ларчикъ отперевъ, она
 Заботливо дорылась до дна
 И вынула три бѣленькихъ бумажки.
 И... вы легко поймете радость Сашки.

СXXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
 То у дверей съ недвижностью примѣрной,
 Въ чашѣ пуневой, щегольски одѣтъ,
 Стоялъ арапъ, его слугитель вѣрный
 Нокрывать, какъ закомъ былъ чугунный цвѣтъ
 Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
 И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
 Когда смѣялся онъ, или говорилъ,
 Невольный страхъ на душу наводилъ,
 И въ голосъ его, инымъ казалось,
 Надменностью безслышной отзывалось.

СXXXI.

Союзъ довольно странный заключенъ
 Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
 Казались таинственны, какъ сонъ;
 Вдвоемъ, бывало, ночью, точно воры,
 Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
 Воспримчивъ бойкимъ, нашъ пріятель
 Восточныхъ словъ былъ страстный обож-
 И потому «Зафиромъ» нареченъ [тель,
 Его арапъ. За нимъ повсюду онъ, [же? —
 Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что
 Всѣ восхищались этой скверной рожей!

СXXXII.

«Зафиру» Сашка что-то променталъ
 Зафиръ кивнулъ курчавой головою;
 Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
 Изъ бѣлой ручки черною рукою;
 Онъ долго у дверей еще стоялъ
 И говорилъ все время, по несчастью,

На языкѣ чужомъ и тайной страстью
 Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
 Облопотая на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
 Герой печальный моего рассказа
 Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

СXXXIII.

И, наконецъ, онъ подаль зналъ рукой,
 И тотъ исчезъ быстрѣи китайской тѣни.
 Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
 Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
 Домашній духъ (по-русски домовый);
 Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
 Онъ исполнялъ безмозвно, равнодушно,
 Добро и зло. Ему была законъ
 Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
 Что, кромѣ Саши, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
 Никто, никто не думалъ о «Зафирѣ»

СXXXIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
 Когда и онъ, на берегу Гвинеи,
 Имѣлъ родной шаламъ, жену, пшено
 И ожерелье красное на шею,—
 И мало ли?.. О, тамъ онъ былъ звено
 Въ цѣпи семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
 Осталась неприступна, какъ святыня.
 И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
 И пѣна водъ бѣлѣе жемчужовъ.
 Тамъ жгутъ лобзанья и пронзаютъ очи,
 И перси дѣвъ чернѣи роскошной ночи.

СXXXV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
 Въ туманѣ дальнемъ скрылись навсегда...
 Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
 Для дикаря все было непонятно—
 Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ.
 Такъ облачко, оторвано грозой,
 Бродя одно пѣть твердою голубою,
 Куда пристать не знаетъ; для него
 Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его.
 Ему обидно общее веселье,—
 Оно, нахмурясь, причесается въ ущельѣ.

СXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
 Когда они томятся надъ горою,
 Какъ на хребтѣ стального шишака
 Колеблемыя перья! Подъ грозой,
 Въ одеждѣхъ золотыхъ, издалека
 Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
 И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
 Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
 Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
 Настанетъ день,—ихъ вѣтеръ вновь уносить:
 Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спросить?

СXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
 Какъ отъ любви поэта безнадежной,
 Какъ отъ мечты, которой никогда
 Онъ не открылъ вниманью дружбы вѣжной.
 И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
 Промчалася неслышно между нами,